

Валентина Адамовна Горбачевская, ведущий библиограф Брестской областной библиотеки им. М. Горького (2020)

Воодушевлённая литературой

Каждый человек алмаз, который может очистить себя. В той мере, в какой он очищен, через него светит вечный свет. Стало быть, дело человека — не стараться светить, но стараться очищать себя, чтобы пропускать свет.

Лев Толстой

В эссе «**Книга в моей жизни?**» Валентина Ивановна пишет: «*Книга в развитии общества, Человечества в целом? На эти, казалось бы, простые вопросы не просто ответить. Уберите книги из нашей жизни, и что тогда останется? Мы просто онемеем в пустоте. Книга — это прежде всего информация: о мире от его начала и о человеке, когда он почувствовал себя существом разумным.*

Я родилась в маленькой деревушке, там была только начальная школа и не было библиотеки. У меня не было возможности подержать в руках, а потом и почитать красочные детские книги, стихи, сказки, приключения... Я до сих пор об этом сожалею, ибо каждый возраст имеет свой литературный „интерес“, его нельзя удовлетворить потом, потому что потом появляются новые пристрастия. Книга формирует характер человека, его нравственные начала, разнообразит его кругозор, помогает разобраться в сложных процессах развития мира и человека.

Сможет ли Интернет заменить книгу? Никогда! Книга — материальна, её можно потрогать руками. Она живая, обладает своеобразной аурой, с ней можно поспорить, у неё, наконец, можно поучиться. Она вот стоит у тебя на полке, и ты в любой момент можешь её взять и — согреться ею. Мне очень жаль теперешних молодых людей, которые лишают себя удовольствия общения с книгой. Ведь Интернет — это мир виртуальный, абстрактный, он, как космос, чужой и холодный.

Я с 1974 года пользуюсь услугами Пинской библиотечной системы. 40 лет! Сначала это была центральная библиотека, а в последние годы — филиал № 7, которым заведует Лариса Васильевна Горегляд. Хочу сказать абсолютно точно: в библиотеке работают особенные люди, фанатично преданные своему делу. Да и по сути, кто ещё за такие зарплаты, как не фанаты, там будут работать? Но главное, эти люди не только книгу любят, они так же преданно любят ещё и своих читателей. По-моему, это единственная «отрасль» в сфере обслуживания, в которой сотрудники всегда рады своим посетителям, т. е. читателям.

Я всегда очень трепетно и с большой признательностью относилась и отношусь к людям, с которыми в силу своей профессии все эти годы была связана. Это прежде всего Феля Ароновна Грантовская, Валентина Адамовна Горбачевская, Татьяна Михайловна Мурачёва, а теперь мне помогает главным образом Лариса Васильевна Горегляд. Это настоящие знатоки и хранители книги!».

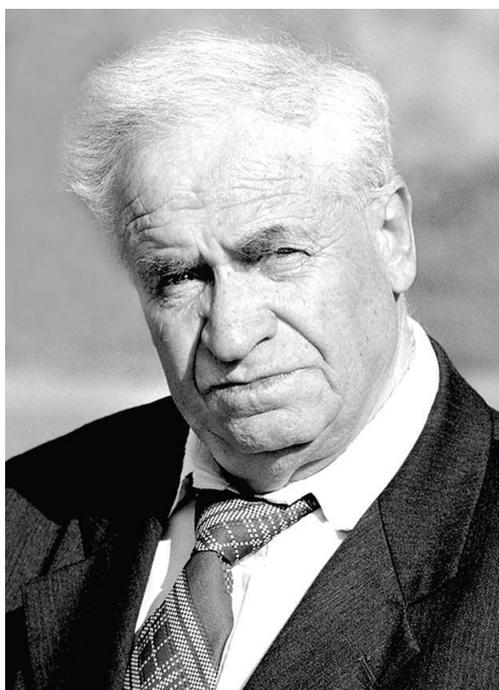
С годами приходит понимание, что жизнь иногда сводит людей не просто так, не случайно, а потому что они должны обязательно встретиться в этой жизни, на этой земле. Сейчас я уже и не вспомню точную дату, когда впервые переступила порог квартиры № 6 по улице Первомайской, но о том, что в Пинске живёт литературный критик Валентина Ивановна Локун, я узнала в 1979 году по приезду на работу в Пинскую центральную городскую библиотеку после окончания Минского института культуры. Феля Ароновна Грантовская, работая в библиотеке долгие годы библиографом, часто

рассказывала о том, какие это удивительные люди Локуны — Валентина Ивановна и её семья. С 1974 года и до отъезда в Израиль она была для Валентины Ивановны и библиотекарем, и консультантом по чтению, и большим другом семьи.

Феля Ароновна Грантовская

просто иметь представление, о чём пишет этот человек.

Семён Фёдорович Шапиро — человек-эпоха

В 1988 г. по семейным обстоятельствам мне пришлось уйти из любимой библиотеки почти на четыре года в газету «Полесская правда», где, работая корректором, я продолжала читать рецензии Валентины Ивановны уже по «наводке» Семёна Фёдоровича Шапиро, корреспондента этой газеты. Он вместе со своей женой Гитой Львовной, учительницей школы-интерната, часто навещали Валентину Ивановну и были в курсе всех её дел и новостей.

В 1992 г. я вернулась в Пинскую центральную библиотеку библиографом, и Феля Ароновна искренне обрадовалась моему возвращению. На тот момент она уже была на пенсии и не работала, но продолжала ходить по библиотекам города и разыскивать нужные Валентине Ивановне для работы книги и статьи. Читателей в те годы в библиотеках было много, новые журналы были очень востребованы, в читальном зале даже велась специальная тетрадь очередности чтения. Взять из читального зала книгу или журнал на дом было очень проблематично.

Платные услуги в те годы в библиотеках ещё не практиковались, все журналы и книги читального зала должны были неукоснительно стоять на своих местах. Но всё же выход был найден: журналы я брала вечером после работы, а Феля Ароновна передавала их Валентине Ивановне, а утром я относила их обратно в читальный зал, благо, что жили мы практически на одной улице, и дома наши находились по соседству. Тогда я ещё не знала, что Феля Ароновна собралась в Израиль на постоянное место жительства. И только один вопрос её сильно волновал и тревожил: кто будет носить Вале книги, когда она уедет в Израиль? Я не задумывалась тогда, из каких соображений она выбрала именно меня в книгоноши, в библиотеке на то время работало 35 человек. Но я её заверила, что её Вале я, конечно же, не оставлю без книг и мне не составит большого труда разыскивать и относить ей нужные материалы. Феля Ароновна искренне обрадовалась и облегчённо вздохнула — проблема, так долго не дававшая ей покоя, была решена. До последнего дня

жизни Валентины Ивановны они переписывались и перезванивались, сейчас Феля Ароновна звонит брату Валентины Ивановны. В одном из писем Валентина Ивановна мне написала:

11.01.2016 г.

Добрый день, Валентина Адамовна! Спасибо за письмо. ... Ставлю последнюю точку. Я очень рада, что в моей жизни были и есть сейчас Феля Ароновна и Вы. Это Вы из меня сделали МЕНЯ. В этом году будет ровно 20 лет, как Феля Ароновна живёт в Израиле. И все эти долгие годы мы поддерживаем с ней диалог. Более того, последние лет десять, когда в Хайфу к родителям ежегодно стал ездить Чахоцкий-младший, Ф. А. все эти годы через него передаёт «приветы» в конверте. Разве я могу подвести людей, которые вложили в меня своё время и знания? Конечно, НЕ МОГУ!

... И вот в один очень холодный и ветреный день Феля Ароновна повела меня знакомиться с семьёй Локун. О том, что у Валентитины Ивановны и её брата врождённая миопатия, я знала давно. С детства я очень боялась всяких проявлений физического уродства, оно у меня всегда ассоциировалось со словом «инвалид». Поэтому шла я туда, надо признаться, не без какого-то внутреннего страха и волнения. Дверь в квартиру Локун, как объяснила мне Феля Ароновна, всегда была открыта, приходили врачи, социальные работники, друзья, соседи, знакомые — по делу или просто перекинуться парой слов, рассказать городские новости. Удивило, что в прихожей не было ни верхней одежды, ни обуви, наши пальто перекочевали на пустую вешалку в прихожей. «Мы ведь никуда не выходим, зачем нам верхняя одежда и обувь?», — объяснила мама Валентины Ивановны. Зашли в комнату к Валентине Ивановне, и удивительное дело — передо мной на кровати сидела очень симпатичная молодая женщина с открытой обезоруживающей улыбкой. Нас познакомили и мы остались в комнате вдвоём — проговорили часа два. В те годы я много читала: книги и журнальные публикации, классику и современных авторов, так что поговорить нам было о чём.

Если сказать, что я была удивлена, «огорошена», поражена этим визитом и всем увиденным, — значит, не сказать ничего. Конечно, кто не сталкивался воочию с этой болезнью, тому трудно понять и представить, что это такое накормить, переодеть, умыть, повернуть, посадить, уложить, перенести с кровати в инвалидное кресло, перевезти в другую комнату (чтобы Валя могла посмотреть телевизор), делать практически всё за больного человека, потому что ей подвластны были лишь мышцы в кончиках пальцев рук. Сама она была в состоянии лишь переворачивать страницы книг да с трудом писать. А таких больных в доме было двое — Валентина Ивановна и её брат Василий. Мама Ева Александровна была их руками и ногами, и если бы её не было рядом, они были бы беспомощными, словно дети. Мама и ухаживала за ними дённо и ночью, как за маленькими детьми, сновала из одной комнаты в другую, поддерживала вокруг них стерильную чистоту и идеальный порядок в квартире, отличающейся простотой и минимализмом интерьера. «Как же, к нам же люди каждый день приходят», — говорила Ева Александровна. Но при такой кажущейся беспомощности и Валентина Ивановна и Василий Иванович трудились целый день не покладая рук. Валентина Ивановна читала тексты, потом или писала, или диктовала Василию Ивановичу, а он набирал тексты на пишущей машинке, компьютера тогда у них ещё не было. В свободное от секретарской работы время Василий Иванович ремонтировал зонтики, фены, утюги, всякую мелкую бытовую технику тем людям, кто приходил к ним в дом по каким-то делам. В число его клиентов, конечно же, сразу попала и я, удивившись в первый момент его вопросу, что у меня есть дома неисправное.

Всей их дружной семье приходилось жить по строго заведённому болезнью распорядку, никогда его не нарушая. В доме царил мир и порядок, все друг о друге отзывались тепло и с любовью, заботились друг о друге, между ними никогда не было ни

споров, ни ссор, ни обид с упрёками. И это при том, что жили они в замкнутом пространстве городской квартиры. Это меня больше всего и поразило, и восхитило.

Валентина Ивановна со своей болезнью, не отгородилась от жизни стенами своей комнаты с прочной металлической кроватью. Эту кровать знакомые раздобыли для неё с большим трудом. Днём она работала, сидя на этой кровати, а ночью спала. Она принимала свою жизнь такой, какая она есть, со всеми невзгодами, маленькими радостями от успехов в литературоведении — публикаций в газетах, журналах, сборниках. Валентина Ивановна никогда не жаловалась на своё здоровье, не говорила о своей болезни, не обижалась на судьбу, не боялась смерти. Все её страхи и переживания были только за маму. Как она переживала, когда мама болела! «Мы пропадём сразу, как мамы не станет», — повторяла она всякий раз. Мама прожила ещё много лет, о её смерти я узнала из письма от 05.10.2015 г.:

Валентина Адамовна, добрый день! Спасибо Вам за письмо и добрые слова в мой адрес. Я горда тем, что Вы гордитесь нашей дружбой. Спасибо!!! Только, к сожалению или к счастью, я не звонила Вам этим летом. Этим летом я не написала ни одной строчки. 20 июня слегла наша мама. Она болела очень тяжело. Мы вынуждены были непосредственно к ней нанять две сиделки: на день и на ночь. Её нельзя было оставлять ни на минуту. Она перестала есть, была очень беспокойна, особенно по ночам. Последние шесть дней она и пить перестала, превратилась в абсолютную мумию. 1 сентября в 22 часа 05 минут нашей мамы не стало. Вместе с мамой не стало и нас. Я ничего не пишу и даже не пытаюсь. Мне ничего не хочется. Я пустая внутри, и снаружи тоже пусто.

Спасибо Вам, Валентина Адамовна. Вы, кажется, поняли меня глубже остальных. Головой я всё понимаю, а душа раздирается на части. И здесь я с собой ничего сделать не могу. Не за что ухватиться в этой жизни, не на что переключиться. Всё хорошее ушло вместе с мамой. Теперь осталась только борьба за физическое выживание.

С течением времени мне стало понятно, что это только в первые минуты люди, приходившие к Валентине Ивановне, видели в ней обездвиженную женщину, ограниченную этим совсем небольшим пространством городской квартиры, испытывали неловкость, незнание и неумение, как вести себя по отношению к ней, о чём с ней говорить (у многих из нас это настоящая проблема — общение с людьми с ограниченными возможностями на равных, полученная в наследство из советских времён). Но как только они переступали порог её комнаты, начинали беседовать с Валентиной Ивановной, то напрочь забывали о её болезни, о её инаковости. Как-то я спросила Валентину Ивановну, почему она никогда не выезжает на улицу, в город, ведь у неё есть инвалидная коляска. Но она, шевельнув рукой, ответила, что ей не хочется лишний раз кого-то напрягать, а сама она в одиночку не выедет из подъезда, её маме это тоже не под силу, а дёргать и просить кого-то из друзей или знакомых по пустякам — это не в её правилах, тем более, что хватает других проблем, когда нужно обращаться с просьбами.

Прикованная к этому креслу в стенах квартиры она открывала для себя мир через чтение книг, через беседы о книгах с людьми, которые читали, черпала из книг знания, мудрость и вдохновение. Ранней весной она сидела на лоджии, грелась на солнце, радовалась, что тепло и солнце, что кончилась холодная зима — зимы она не любила, всегда мёрзла.

Я приходила к Валентине Ивановне с книгами и новостями из книжного мира в рабочие дни, иногда забегала и по выходным. Обсуждали и общие, и частные проблемы. Наше общение наполняло меня и эмоционально, и интеллектуально. И чем больше проходило времени после нашего знакомства, тем наши беседы становились всё более откровенными. Как-то раз я её спросила, а почему она выбрала стезю литературного критика, почему она сама не пишет художественные произведения. Она от души рассмеялась, а потом ответила: «Чтобы писать художественные произведения, в жизни

должно быть много впечатлений, много пережитых чувств, эмоций... Вы же понимаете, как и о чём я могу писать, живя в четырёх стенах, нигде не бывая, ничего не видя...». А литературным критиком Валентина Ивановна решила стать окончательно и бесповоротно, прочитав в газете «Літаратура і мастацтва» статью **Зои Мельниковой** «**Нам бракуе самапавагі**»¹. В ходе работы над биобиблиографическим указателем² я вспомнила о нашем разговоре и разыскала эту статью 26-летней давности в Витебской областной библиотеке. В хранящихся в нашей библиотеке двух экземплярах нужного номера газеты «Літаратура і мастацтва» именно эта статья была аккуратно вырезана. С любезного разрешения Зои Петровны привожу текст статьи полностью, чтобы стало понятно, почему Валентиной Ивановной было окончательно принято решение стать литературным критиком. «Я поняла, что нужно от меня, эта статья многое мне прояснила»:

«Сапраўды, стан сучаснага беларускага літаратуразнаўства, асабліва яго састаўной часткі — гісторыі нацыянальнай літаратуры, даволі драматычны. Новы час разняволіў нас, гуманітарыяў, ад палітыка-ідэалагічных наручнікаў мінулага. Але вызваленыя рукі разгублена апусціліся, бо мы выхаваны і адукаваны эпохай тых жа наручнікаў. Мы хочам напісаць сапраўды аб'ектыўную і навуковую гісторыю роднай літаратуры, але пры гэтым востра адчуваем, як не хапае і тэорыі, і практыкі, і мудрасці, каб зрабіць гэта на прыстойным, адпаведным нацыянальнай літаратуры ўзроўні. І ўсё ж рабіць гэта трэба. Інакш стрыманасць нашага літаратуразнаўства можа расцаніцца як сапраўды яго некампетэнтнасць і банкруцтва.

Мне сённяшні дзень нашай літаратуразнаўчай навукі ўяўляецца часам удумлівага і пакутлівага пераасэнсавання спадчыны, часам назапашвання новых і адноўленых імён, твораў і крыніц, урэшце — патэнцыяльных магчымасцяў.

Вядома, што сёння нам не пазбегнуць палітызацыі. Гэта, на маю думку, будзе аб'ектыўным працэсам, або першай прыступкай у выпрацоўцы канцэпцый і тэорыі сапраўднага, дэідэалагізаванага літаратуразнаўства. І дзеля гэтага варта „ламаць коп'і“ на старонках друку.

Самае актуальнае і першаступеннае — звярнуцца да гісторыі літаратуры папярэдніх перыядаў, асэнсаваць і прааналізаваць яе з агульначалавечых гуманістычных пазіцый, убачыць набыткі і выдаткі, раішуча скінуўшы ідэалагічныя шоры „класавасці, партыйнасці, народнасці“.

Вяртанне да спадчыны павінна быць выключна сумленным і аб'ектыўным. Важнейшымі крытэрыямі пры гэтым павінны быць гістарычная праўда і эстэтычная вартасць твораў пісьменніка. Ахаіць, абвінаваціць у апалагетыцы — нескладана; куды цяжэй зразумець мастака, драматызм эпохі і чалавечых лёсаў у мінулым.

Цалкам непрымальнымі з'яўляюцца папрокі маладых навукоўцаў старэйшым: вы, маўляў, нівеліравалі, спрашчалі літаратурны працэс, былі залішне абачлівымі... Трэба зразумець драматызм самога літаратуразнаўства і яго стваральнікаў у мінулыя часы, магчымасці якіх былі абмежаваны палітыка-ідэалагічнай унармаванасцю. Без вопыту, дасведчанасці, прафесійнасці старэйшых калег нам не абысціся.

Другой, перспектыўна неабходнай задачай сучаснага літаратуразнаўства будзе асэнсаванне і аналіз твораў нацыянальнай літаратуры ў кантэксце літаратур суседніх народаў. Сапраўды, наша навука павінна раішуча пазбавіцца сарамлівай правінцыйнасці, традыцыйнай інертнасці з тым, каб набыткі сваёй літаратуры ацэньваць у параўнанні з еўрапейскімі. Дзеля гэтага нам сёння яшчэ бракуе здаровай амбітнасці, самапавагі, смеласці і дасведчанасці. Гэту аб'ектыўна абумоўленую адсталасць давядзецца пераадольваць.

¹ Мельнікава З. Нам бракуе самапавагі // Літаратура і мастацтва. – 1992. – 29 мая. – С. 6–7.

² Вальянціна Іванаўна Локун : біябібліяграфічны паказальнік / складальнік В. А. Гарбачэўская. – Мінск : Транстэхніка, 2019. – 76 с.

Аднак арыентацыя толькі на іншыя, больш тэарэтычна развітыя хоць і суседнія, але чужыя мацерыкі — занятак спажывуны і плённы толькі ў пэўнай ступені. Не стрымала б, не абмежавала б гэта пошукі і спасціжэнне нашай нацыянальнай адметнасці і вызначанасці, не абярнулася б штучнасцю...

У стварэнні сучаснай літаратуразнаўчай навукі вялікую ролю будзе адыгрываць асоба даследчыка, яго эрудыцыя, адукаванасць, густ... Мы маем даследаванні, якія можна лічыць узорамі для сённяшняга і заўтрашняга літаратуразнаўства. Дзеля прыкладу спаілюся на кнігу У. Калесніка „Янка Брыль“, у якой засведчана філасофскае заглыбленне ў свет мастацкага твора, філіграннае, высока прафесійнае майстэрства адчуць, зразумець і прааналізаваць сюжэт, вобраз, дэталі, каб яны засвяціліся дыямантамі, уменне ўбачыць значнасць творчасці беларускага пісьменніка ў кантэксце твораў вялікіх польскай і рускай літаратур і доказна паказаць, што наша нацыянальная літаратура і змястоўная, і эстэтычна багатая, і таленавітая... Метадалагічнымі арыенцірамі для сучаснага беларускага літаратуразнаўства, мяркую, могуць з’яўляцца артыкулы і працы апошняга часу А. Лойкі, Д. Бугаёва, В. Каваленкі, У. Калесніка, М. Мушынскага, А. Рагулі, Р. Шкрабы...

Важкім і неацэнным здабыткам сённяшняга літаратуразнаўства будуць заставацца гісторыка-тэарэтычныя артыкулы М. Багдановіча, літаратуразнаўчая спадчына М. Гарэцкага, напрацоўкі адраджэнцаў пач. ХХ ст., прыхільнікаў беларусізацыі, тэарэтыкаў беларускай літаратуры 20-х гадоў. У многіх адносінах нам трэба вярнуцца да іх, каб пачаць стваральны рух наперад.

Сёння існуе не толькі настальгія, а адчуваецца вострая патрэба ў тэорыі нацыянальнага літаратуразнаўства. Тут нельга не пагадзіцца з Ю. Лявончыкам, што манаграфіі па тэарэтычных праблемах у нас мала. Без засваення сусветнага вопыту па гэтых праблемах (я цалкам згодна з А. Лойкам) мы застанёмся бездапаможнай правінцыяй. Відавочна, што гэта справа перш за ўсё акадэмічнага літаратуразнаўства.

Аднак катэгарычна не згаджуся з Ю. Лявончыкам, „што ў нас пакуль што няма мастацка і філасофска значных твораў у сучаснай літаратуры — на ўзроўні сусветнай“. ЁСЦЬ. І хіба гэта не той жа правінцыялізм — адмаўляць сабе і нацыянальнай літаратуры ў значнасці і вартасці?... Багдановіч, Гарэцкі, Купала, Колас, Караткевіч, Мележ, Быкаў, Казько, Пташнікаў... Іх творчасць з выключнай годнасцю ўпішацца ў еўрапейскі, у сусветны літаратурны кантэкст. Зрабіць гэта, прыклаўшы ўсе намаганні для пераадолення крызіснасці і адсталасці сучаснага літаратуразнаўства, — наш грамадзянскі і прафесійны абавязак. г. Брэст». (Літаратура і мастацтва. 1992. 29 мая).

Эта статья на всю оставшуюся творческую жизнь стала для Валентины Ивановны личным кредо, руководством к действию, путеводной звездой, хотя она любила повторять, что она вовсе никакой не критик, а скорее литературовед. У неё никогда не было желания кого-то раскритиковать, сделать свои замечания в резкой форме, разгромить в пух и прах автора. Во всех её рецензиях и статьях всегда было только стремление «дойти до сути».

От первой своей публикации до последней Валентина Ивановна никогда не теряла интереса к слову, к литературе, слово примиряло её с жизнью, отвлекало от болезни, от однообразия повседневности бытия.

Она часами могла говорить о литературе, о писателях, о своём впечатлении от прочитанных книг. Со многими авторами книг она вела активную переписку, отдельные авторы никак не реагировали на её рецензии в литературно-художественных журналах. Говорила, что ей очень легко работать с текстами И. Шамякина. Смеялась, что деревня 50-х гг. в творчестве Ивана Петровича совсем не соответствовала действительности, но за сцены любви в его произведениях Шамякину можно простить всё! Как он тонко умел эти чувства передать! Всегда сокрушалась, что в белорусской литературе остался недооценённым В. Казько.

В последние годы в телефонных разговорах Валентина Ивановна с тревогой говорила о том, что современная литература утрачивает духовный смысл, перестаёт служить вечным идеалам любви, добра и красоты, что в результате переоценки ценностей получается совсем не то, чего ждём мы от художественной литературы.

В личной библиотеке Валентины Ивановны была собрана целая коллекция книг с автографами авторов. Это А. Бадак, М. Ляшук, Г. Марчук, Н. Матяш, А. Шушко, О. Ждан, В. Гниломёдов, В. Ковтун, А. Крейдич, Н. Микулич, А. Карлюкевич и др.

Позднее она вела активную переписку со многими авторами книг, на которые писала рецензии. Всегда восхищённо отзывалась о Карлюкевиче Александре Николаевиче: «Когда он всё успевает, как ему всё так быстро удаётся делать, какой он обязательный, пунктуальный, отзывчивый, готовый всегда прийти на помощь!».

В последние годы своей творческой жизни Валентина Ивановна в своих статьях и рецензиях создала удивительный творческий портрет Олега Ждана. Она анализировала его произведения для детей, идейно-художественные искания в контексте доминирующей эстетики 70–80-х гг. в его повестях и романах. Читала и перечитывала роман «Не погибнет со мной» о Н. Кибальчиче, и её рецензия на этот роман была оценена Олегом Алексеевичем по достоинству, о чём мы читаем в его письме Валентине Ивановне:

«Уважаемая Валентина Ивановна! Статья Ваша умная, глубокая, аналитичная по высокому счёту, а главное — интересная. Так много неожиданных мыслей, такое проникновение в сюжет, а главное — в образ Н. И. Кибальчича, что, читая и перечитывая статью, я раз за разом застревал, в смысле — зависал, правильнее — замирал над строками, размышляя: не слишком ли умно для меня и моего героя? Что ж, я счастлив, если не слишком. Смириться с высокой оценкой твоего интеллекта куда проще, нежели с недооценкой. Впрочем, я не о себе, а о Николае Кибальчиче.

Я работал над романом три года, сидел сиднем в исторических библиотеках Москвы и Ленинграда, разбирал архивные закорючки в ЦГАОР, ездил в Новгород-Северск и Короп, проникся событиями того времени и образом моего героя, и было бы очень обидно, если бы Вы не поняли меня и Его.

Конечно, над некоторыми словами и мыслями я зависал дольше обычного, например, о том, что образ NT — фикция. Дело в том, что вся эта история в Жорнице — реальность. Сохранились документы — даже его прощальное письмо с матерным ругательством. Хотелось снять это определение, но, подумав, решил, что в контексте подразумевается иное, а именно идеи этого персонажа как фикция, и — сохранил Ваши слова. В романе вообще мало измышленных персонажей, история предоставляет достаточно реальных людей.

Между прочим, уже подписав договор с издательством, я хотел было отказаться от этой работы из-за недостатка документальных материалов, но разговорился с известным московским писателем Юрием Давыдовым, автором многих книг об этом периоде российской истории, и он сказал: «Я десять лет мечтал получить договор на роман о Кибальчиче!». И тут же продиктовал мне номер фонда и опись, в которой хранились материалы о нём. Там же я нашёл историю с NT. Вот таков был Юрий Давыдов. Кстати, лауреат премии „Триумф“. (Когда-то он дал мне рекомендацию в Союз писателей, и первая строка рекомендации звучала так: „Только тираны могут говорить, что герои Олега Ждана — маленькие люди!“. Я этого человека любил. А уважали его все).

Завис я и над Вашим размышлением о христианстве. Но с иной позиции: достоин ли мой текст такого утверждения? И, как Вы понимаете, с радостью согласился: достоин. Если не текст, то мой герой.

Немало в статье и словно нечаянно оброненных, но чрезвычайно важных мыслей — это и о мотиве антизла в тексте, и о патриотизме, как служении идее, и о

приближении тотального катастрофизма, и много иных, которые, опять же, заставляют „зависнуть“. Спасибо. Ваш ОЖ. Март 2015».

О быковской летописи войны Валентина Ивановна начала писать с 1977 года. Вначале это были газетные статьи, затем журнальные, в 1999 г. была написана монография по его творчеству «Василь Быкаў у кантэксце суветнай літаратуры», которая увидела свет лишь в 2005 г.

Однажды я осмелилась спросить у неё: «Валентина Ивановна, как Вы думаете, Василь Быков читал вашу монографию или нет? Вы столько о нём пишете, почему он Вам ни строчки никогда не прислал в ответ?». Она рассмеялась от души и сказала: «Он выше этого. Подумаешь, какие-то критики что-то там где-то о нём пишут. Это для начинающего автора очень важно, кто, что, где о нём напишет, для новичка любая рецензия — это волнение, переживание, счастье. А Быков уже классик, притом при жизни классик!».

Работая над библиографическим указателем, посвящённым творчеству Валентины Ивановны, я нашла её статью об истории написания монографии «Ад рукапісу да кнігі», опубликованную в пинской газете «Полесская правда» 4 сентября 1999 г., где она выражает свою благодарность всем, кто помогал ей в написании монографии. Через двадцать лет я прочитала слова искренней благодарности и в свой адрес.

Работая над серьёзными произведениями классиков белорусской литературы, Валентина Ивановна часто писала рецензии, предисловия к книгам начинающих и известных уже пинских авторов: Н. Приступы, М. Юхнюк, З. Вагера, Н. Еленевского, Ю. Солоневича, М. Ляшук, Н. Лавровича, В. Гришковца и др. Учитель, благодаря которому многие начинающие писатели смогли поверить в себя.

Помогая всем вокруг себя расти, развиваться, совершенствоваться, она и сама становилась сильнее, умнее, мудрее.

Я тоже не без влияния Валентины Ивановны стала постоянным автором статей в городских газетах «Деловой Пинск», «Пінскі веснік», где в рубриках «Правовой всеобщ», «Книжная полка», «Книжная лодия» в 90-е годы печатались мои библиографические обзоры, презентации новых книг.

Уже намного позднее, в 2010 г., работая заведующей информационно-библиографическим отделом Брестской областной библиотеки им. М. Горького, написав большой обзор художественной литературы о Грюнвальдской битве на белорусском языке, я выслала его Валентине Ивановне, чтобы она внимательно прочитала его, поправила, если надо, и вынесла свой вердикт. Уже на следующий день Валентина Ивановна прислала мне ответ, что она всё прочитала, ничего не правила, поскольку у меня свой собственный стиль. А ещё написала: «Как здорово у Вас это получается, так легко и просто! Пишите обязательно!».

В моём электронном ящике сохранилось 25 писем от Валентины Ивановны, я прочитала их, работая над библиографическим указателем по её творчеству. В письме от 6 октября 2014 г. она пишет: «Я и не знала, что Вас уже причислили к пенсионерам, и не представляю, как Вы такая „больная на литературу“ можете не работать». В своём ответном письме я её заверила, что остаюсь работать на прежнем месте и всегда в полной готовности к участию в её творческой жизни.

Она читала очень много и благодаря книгам открывала для себя и новые темы и новые имена в литературе. Благодаря книгам она, скованная болезнью, свободно путешествовала во времени и в пространстве. Книги для неё были окном в мир. Сегодня я вспоминаю и даже горжусь тем, что именно я «открыла» Валентине Ивановне такого писателя, как Андрей Федоренко. Тогда я была под большим «уражаньем» от его повести «Деревня», но Валентина Ивановна только рассмеялась в ответ на моё предложение прочитать её и сказала, что всё её рабочее время принадлежит В. Быкову. Но мне всё-таки удалось уговорить её почитать хотя бы небольшой рассказ «Памарак» (он был опубликован в июльском номере журнала «Полымя» за 1997 г.) и она согласилась. Потом мы долго и шумно его обсуждали, а впоследствии Валентина Ивановна включила его в

обзор «малой прозы» 1997 г. Произведения этого талантливой писателя и в дальнейшем находили отклик в её литературоведческой работе. Чего стоит дискуссия литературоведов после публикации её рецензии «Настальгія па страчанаму раю» на повесть А. Федоренко «Дикий луг»!

К написанию каждой своей работы Валентина Ивановна очень тщательно готовилась, она перечитывала текст произведения несколько раз, читала и критику, если такая уже имелась. Иногда нужную книгу приходилось разыскивать не только в библиотеках, но и в книжных магазинах, если книга нужна была срочно. Помню, как однажды для цитаты срочно понадобился сборник литературно-критических статей Людмилы Корань «Цукровы пеўнік»³. Валентина Ивановна написала её по памяти, но не была уверена, что написала дословно. Книга эта в фонды Пинской городской и Брестской областной библиотек пока ещё не поступила, она только-только вышла. Отыскала я её случайно в одном из книжных магазинов в Минске. Вечером я позвонила Валентине Ивановне, спросила, нужно ли покупать книгу. Как же она обрадовалась, что книга наконец-то нашлась, наконец-то её статья будет закончена.

В жизни Валентины Ивановны не было резких поворотов судьбы, не было перемены мест, частых смен трудовой деятельности, душевных драм, мало что в жизни могло вывести её из строгого рабочего графика, выбить из отработанного годами ритма. Одно-единственное событие в жизни — смерть мамы — всё же стало причиной её творческого безмолвия почти на целый год. После смерти мамы в письмах у Валентины Ивановны стали появляться тревога и озабоченность их с братом материальным положением в сложившейся ситуации. Она не говорила о своей смерти, но чувствовала свой скорый уход, все её волнения и тревога были теперь уже, как раньше за маму, за брата Василия: как он будет жить на свою пенсию, кто за ним будет ухаживать, как его обезопасить в его дальнейшей жизни и от нужды, и от всяких непредвиденных жизненных ситуаций. Тревога за жизнь мамы сменилась тревогой за жизнь брата, но жизнь без сил физических научила их быть сильными духом.

6.01.2016 г. Здравствуйте, Валентина Адамовна! С наступившим Вас Новым годом и наступающим Рождеством! Спасибо за письмо. Слава Богу, Вы продолжаете работать. Это хорошо. А я уж подумала, что Вы оставили своё рабочее место. Я без Вас точно пропаду, хоть и обращаюсь сейчас реже, чем прежде, но зато какие вопросы решаются! Да ещё как оперативно! Конечно, обидно за державу, что она оценивает интеллектуальный труд по остаточному принципу. За нашу пенсию (а у меня кандидат плюс первая группа инвалидности, плюс двадцать пять лет стажа) на сегодняшний день три миллиона триста. Ваша же пенсия, видимо, и до этого не дотягивает. Стыдно кому-нибудь эти цифры даже озвучивать. Чего ради мы сушили свои мозги, чего ради я писала свои книги и научные статьи? А теперь, после смерти мамы нам приходится дополнительно оплачивать одну сиделку. Это отминусуйте два миллиона двести. А нужно ещё платить за квартиру, и Васе постоянно принимать таблетки, которые далеко не дешёвые. Вот и смысл жизни. Вот к чему мы пришли в итоге. Про нас Вы знаете всё. Пока ещё я не вышла из депрессии. Делать ничего не хочется. Живём как живётся. У нас в квартире тоже не очень тепло. Включили два обогревателя. Пишите. Ваши Локуны.

Но время лечит. По последним письмам, полученным по электронной почте, я всё больше узнавала прежнюю Валентину Ивановну. Она снова «загорелась» работой. И, как раньше, когда все её разговоры были о творчестве В. Быкова, темой разговоров стало теперь творчество В. Гниломёдова, вся она с головой уже была в «Нарысе творчасці».

На днях мне звонил мой друг из Минска Н. Микулич (он теперь зав. отделом, в котором я когда-то работала). Теперь он вместе с академиком В. Гниломёдовым

³ Корань, Л. Д. Цукровы пеўнік : літ.-крыт.арт. / Людмила Корань. – Мн. : Маст. літ., 1996. – 286 с.

решили меня загрузить по полной программе: заказали «Нарыс творчасці» В. Гниломёдова. Обещали даже издать вот эту мою книгу в издательстве «Беларуская навука». Вот сижу и думаю: а на фига мне это надо? Это с одной стороны. А с другой — может и согласиться? Наверное, буду соглашаться. Если мне академики доверяют своё творчество, так что уж мне тут задаваться! Вот тогда, Валентина Адамовна, наверное, и к Вам буду обращаться. Как, согласны? Короче, Валентина Адамовна, будем на связи. Пишите. Валентина Ивановна. 06.01.2016 г.

Валентина Адамовна, добрый день! Вот, кажется, и подошло ВАШЕ время. Пожалуйста, помогите мне. В моей личной библиографии-биографии произошёл сбой. А может быть, этот сбой в моей голове. Короче, мне кажется, что на все книги Хроники В. Гниломёдова я писала статьи. В том числе и на первую — «Уліс з Прускі». Но черновой вариант на эту первую книгу у меня отсутствует (остальные есть). Или как вариант, отдельно первую книгу я не рассматривала? Валентина Адамовна, ваша задача, посмотрите, пожалуйста, в своих компьютерах или «схронах» журнал «Польмя» с 2000 по 2008 год. Печаталась ли в этом промежутке в «Польмя» моя статья (рецензия), в которой бы я рассматривала роман В. Гниломёдова «Уліс з Прускі»? Ибо ни у себя, ни в городской библиотеке такой информации я получить не могу. Смотрите только «Польмя», потому что Гниломёдов у меня весь проходил только по этому журналу. **Я наконец-то решила вернуться в профессию. Точнее, попробую вернуться...** Взялась за очерк творчества В. Гниломёдова. Заранее вас благодарю. Сроками не ограничиваю. Как у вас будет получаться. Валентина Ивановна.

Я отослала Валентине Ивановне библиографию творчества В. Гниломёдова из фондов нашей областной библиотеки, и снова началась каждодневная работа мысли и руки. Она редко или вообще никогда, можно сказать, не позволяла себе чтения для души, всегда только книги для работы. О чём бы она ни писала, в конце всегда возвращалась к войне, военной теме. Вначале была Великая Отечественная война, позже — Первая мировая как в творчестве белорусских писателей, так и зарубежных. Свои статьи она всегда переписывала по нескольку раз, «шлифовала» каждую фразу, подбирала правильные слова, к каждому слову — десятки синонимов, выбирала нужный, меняла местами эти слова. В итоге язык её книг и статей получался предельно простым, чистым и лаконичным. Она прекрасно овладела мастерством построения фразы, понятной всем, очень энергичной, точной и образной. Когда читаешь её статьи, создаётся впечатление, что написаны они на одном дыхании, но только близкие люди знали, что за этой лёгкостью — тяжёлый кропотливый труд.

Внимательно изучая и вбирая в себя все богатства белорусской, русской и зарубежной литератур, она сумела сохранить при этом своё собственное лицо в белорусской литературной критике. На протяжении всей жизни скрупулёзно изучая чужие произведения, она при этом оставалась сама собой. Такой творческой судьбы можно только пожелать многим и более признанным и более успешным!

Может, поэтому при изучении творчества белорусских писателей, её статьи были так востребованы студентами-филологами. В журналах с её статьями, хранящихся в книгохранилище библиотеки, по пометам и маргиналиям, зачитанности страниц можно легко определить, что обращались к ним очень часто. А это значит, что писала она «не в шуфляды», а написанное и опубликованное Валентиной Ивановной не пылилось на книжных полках.

Перечитывая сегодня работы В. И. Локун, понимаешь, что так писать мог только человек, который в жизни прочитал очень много хороших и умных книг. На мой взгляд, Валентина Ивановна является одним из самых интересных и при этом незаслуженно малоизвестных белорусских литературных критиков начала XXI века. Её кончина высветила смысл всего жизненного и творческого пути преданного литературе и книгам учёного и очень мужественной женщины. Эта статья — моя личная дань уважения

Валентине Ивановне Локун и её творчеству, чувство благодарности судьбе за то, что этот человек присутствовал в моей жизни и останется в памяти навсегда.

г. Брест, июнь 2019 г.